

Апеллятивизированные единицы как средство эвфемизации речи

Анна Аркадьевна Кудрявцева

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
400131, Россия, Волгоград, пр. Ленина, 27
кандидат филологических наук, доцент
E-mail: a_kudriavtseva@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются апеллятивизированные онимы, выполняющие эвфемистическую функцию и анализируются синонимические пары и ряды, включающие данные единицы.

УДК 808.2

Ключевые слова: эвфемизм, апеллятивизация, апеллятивизированный оним, прономинация, синонимы, стилистическая синонимия.

В современном русском языке достаточно широко распространен процесс апеллятивизации, т.е. переход имен собственных (онимов) в имена нарицательные (апеллятивы), причём данный переход осуществляется на основе стилистического приема прономинации – «замены нарицательного имени собственным (или наоборот), например: *Отелло* вместо *ревнивец*» [1]. В результате использования прономинации образуются апеллятивизированные единицы, которые часто вступают в синонимические отношения с соответствующими апеллятивами; при этом они могут либо образовать синонимическую пару, либо войти в уже существующий синонимический ряд. Данные единицы мы обозначаем термином «прономинант». Прониминанты активно функционируют в художественной, публицистической и разговорной речи (в том числе и в так называемой письменной разговорной речи, то есть в интернет-общении).

Очевидно, что лексической основой стилистического приёма прономинации являются имена собственные, однако в данном качестве может выступать не всякий оним, а только прецедентное имя [2].

По нашим наблюдениям, прономинанты в языке используются в трёх основных функциях: декоративной, оценочной и эвфемистической. Данная статья посвящена апеллятивизированным единицам, выступающим в эвфемистической функции, которая находится, как нам представляется, в рамках фатической функции речи (функции поддержания контакта). Дело в том, что использование эвфемизма связано с установлением поддержанием контакта между участниками общения, с намерением удержать контакт в рамках тех правил, которые налагаются существующими в данном микросоциуме правилами этикета и морали.

Проблеме эвфемизма посвящено значительное количество исследований. Наиболее распространено понимание эвфемизмов как «эмоционально нейтральных слов или выражений, употребляемых вместо синонимичных им слов или выражений, представляющихся говорящим неприличными, грубыми или нетактичными» [3]. Встречается и более узкое трактование эвфемизмов как «замененных, разрешенных слов, которые употребляются вместо неразрешенных, (табуированных)» [4], как «слов или выражений, заменяющих точные названия пугающих предметов или явлений и дающих возможность говорить о них без «опасности» вызвать стоящие за словом злые силы» [5].

Вопрос разграничения слов-табу и эвфемизмов рассмотрен Б.А. Лариным. Ученый считает, что они различаются прежде всего причинами своего создания: «старые эвфемизмы» (слова-табу) входили в язык по религиозным мотивам (это «дозволенные и пристойные наименования, по природе своей перифрастические или образные, скрывающие свой предмет, отвлекающие от его узнавания, якобы превращающие силой словотворчества злые качества, действия в благоприятные, желательные или хотя бы безвредные» [6]; «новые эвфемизмы» же порождаются «либо лживой моралью (*дом терпимости, публичный дом, богоугодное заведение*), либо ужимками жеманности (*собака подняла носку, у него не было стула, она в интересном положении, мне захотелось обойтись носовым платком*)» (там же). А.А.Реформатский, перечисляя причины

табуирования (ученый использует термины «табуирование» и «эвфемизация» как синонимичные) в цивилизованном обществе, называет цензурный запрет (*город N, одна соседняя держава* вместо конкретного наименования), этикет, боязнь грубых и неприличных выражений (*вы ошибаетесь* вместо *вы врете*, *насекомое* вместо *вошь*, *летальный исход* вместо *смерть*) [4].

Как отмечает Л.П. Крысин, эвфемизация «обычно бывает ориентирована на определенные темы и сферы деятельности людей» [7]. Ученый говорит о личных и социальных сферах эвфемизации речи. Личные сферы эвфемизации, касающиеся личной жизни и личности говорящего, адресата и третьих лиц, – это некоторые физиологические процессы и состояния, определенные части тела, связанные с «телесным низом», отношения между полами, болезнь и смерть. Социальные сферы эвфемизации, касающиеся различных сторон общественной жизни, – это дипломатия, репрессивные действия власти, государственные и военные тайны и секреты, деятельность армии, разведки и милиции, сфера распределения и обслуживания, отношения между различными национальными и социальными группами и статус этих групп, некоторые профессии, эвфемистическое обозначение которых имеет целью повысить их престиж или скрыть негативное впечатление от обозначаемого «прямым» наименованием рода занятий.

По нашим наблюдениям, эвфемистические прономинанты функционируют в личной сфере, а именно при обозначении отношений между полами и болезней.

Перейдем к рассмотрению выявленных синонимических пар и рядов.

В качестве эвфемистической замены слова *куртизанка* используются прономинанты *Лаиса* и *Магдалина* (*Лаиса* – известная греческая гетера, жившая в 4 в до н.э. в Коринфе; *Магдалина* (*Мария Магдалина*) – евангельский персонаж, блудница, прощенная Иисусом Христом).

Прономинант *Лаиса* функционирует в русской поэзии первой половины XIX века. Вот примеры употребления рассматриваемой единицы: *Лаиса, я люблю твой смелый, вольный взор, / Неутомимый жар, открытые желанья...* (А.С. Пушкин. «Лаиса. Я люблю...»); *Любимец ветреных Лаис, / Прелестный баловень Киприды – / Умей сносить, мой Адонис, / Ее минутные обиды!* (А.С. Пушкин. «Юрьеву»); *Отвергни сладострастия / Погибельны мечты / И не восторгов – счастья / В прямой ищи любви; / Восторгов исступленье – / Минутное забвенье; / Отринь их, разорви / Лаис коварных узы...* (В.А. Жуковский. «К Батюшкову»).

Прономинант *Магдалина* зафиксирован в «Русском синонимическом словаре» К.С. Горбачевича (К.С. Горбачевич, 1996). Данная единица, как отмечает ученый, употреблялась в прозе XIX века. Пример ее использования можно найти, в частности, в романе Л.Н. Толстого «Воскресение»: *У Aline удивительный приют Магдалин. Я была раз. Они препротивные. Я потом вся мылась;*

Случаи употребления онима *Диана* как эвфемистического прономинанта, замены слова *девственница*, зафиксированы у А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова.

Диана – древнеримская богиня, покровительница охоты, растительности, плодородия. В мифах она целомудренная богиня-дева.

Приведем примеры. *Лизе страшно полюбить. / Полно, нет ли тут обмана? / Берегитесь – может быть, / Эта новая Диана / Притаила нежную страсть – / И стыдливými глазами / Ищет робко между вами / Кто бы ей помог упасть* (А.С. Пушкин. «Лизе страшно полюбить...»). *Диана в обществе, Венера в маскараде* (М.Ю. Лермонтов. «Маскарад»).

Окказиональный прономинант *Приап* встретился в стихотворении А.С. Пушкина «В.В. Энгельгардту» в качестве эвфемистической замены слова *сладострастие* (*Приап* – греческий бог садов, полей, позднее ставший также богом сладострастия, чувственных наслаждений): *Здоровье, легкий друг Приапа, / И сон, и сладостный покой, / Как прежде, посетили снова / Мой угол тесный и простой.*

Прономинанты *донжуан*, *ловелас*, *селадон*, *казанова* активно используются вместо слов *волохита*, грубое *бабник* (*Донжуан* (*Дон Жуан*, *Дон-Жуан*, *Дон Гуан* – в литературе встречается различное орфографическое оформление онима) – герой любовных походов в испанском фольклоре и действующее лицо произведений многих писателей XVII–XIX веков; *Ловелас* – герой романа английского писателя С. Ричардсона (1689–1761) «Кларисса Гарлоу» (1748 г.); *Селадон* – герой романа французского писателя Оноре д'Юрфе

(1568–1625) «Астрея» (1607–1618); Джованни Джакомо Казанова (1725–1798) – известный итальянский авантюрист, автор мемуаров, в которых он описал свои многочисленные любовные похождения).

Эвфемистический прономинант *донжуан* встречается и в русской классике, и в современной публицистике: *На нее жадно и с любопытством смотрел Артынов, этот известный донжуан и баловник* (А.П. Чехов. «Анна на шее»); *А вот Сана в покорившем ее Рауфе не сумела разглядеть местного донжуана* (рекламная статья о кинофильме); *Предлагаем взять на вооружение методы шоковой терапии, прошедшие испытания на представительной выборке донжуанов* (Cosmopolitan, 1996, №5); *Погостив у отца в Сибири всего 3–4 месяца, приезжий донжуан заразил СПИДом 30 женщин* («Комсомольская правда», 18.11.98).

Эвфемистический прономинант *ловелас* отмечен нами в русской классической литературе: [*Сорин:*] *Прелестная, говорю, была девушка. Действительный статский советник Сорин был в нее влюблен некоторое время.* [*Дорн:*] *Старый ловелас!* (А.П. Чехов. «Чайка»), а также в современной публицистической (Клинтон слыл в США ловеласом еще со времен губернаторства в штате Арканзас. Телепередача) и разговорной речи (*Я не ловелас какой-нибудь. У меня жена, дети*).

Эвфемистический прономинант *селадон* встречается в русской классике – как в поэзии, так и в прозе: *К нему навстречу из лачужки / Выходит баба; ожил он! / На милый идеал пастушки / Лорнет наводит Селадон...* (П.А. Вяземский); [*Базаров*] ... иронически поздравил себя с поступлением в Селадоны (И.С. Тургенев. «Отцы и дети»).

Прономинант *казанова* зафиксирован нами в современной публицистической и разговорной речи: *Этот казанова предпенсионного возраста очень любил приглашать к себе домой хорошеньких старшеклассниц* (Вечерний Волгоград, 17.10.98); *У Гриши опять новая девушка. Гриша у нас казанова* (Разговорная речь).

Окказиональный прономинант *Цецилия* отмечен нами в историческом романе Ю. Нагибина о князе Голицыне «Сильнее всех иных велений» (1988 г.) как синоним слова *наложница*.

Интересна предполагаемая мотивация данного эвфемистического прономинанта. Дело в том, что Святая Цецилия – раннехристианская мученица, давшая обет целомудрия и никогда не бывшая ничьей наложницей. Однако у Н. Лескова в повести «Тупейный художник» (1883 г.) находим следующее описание: *А ей [крепостной актрисе] отнеси от меня камариновые серьги. «Камариновые же серьги» у них был подарок и лестный и противный. Это был первый знак особенной чести быть возведенною на краткий миг в одалиски владыки. За этим вскоре, а иногда и сейчас же, отдавалось приказание Аркадию убрать обреченную девушку после театра «в невинном виде святою Цецилией», и во всем в белом, в венке и с лилией в руках символизированную *innocence* [невинность (франц.)] доставляли на графскую половину. Возможно, именно этот образ посужил для Ю. Нагибина основой для использования апеллятивизированной единицы *Цецилия* в значении «наложница». В тексте встретилось два примера: *Зачем молодой барин все в девичью норовит, хотя до сих пор не завел себе Цецилию?* и *То ли ей самой в стародавние времена довелось побывать барской Цецилией, чему поверить трудно – уж слишком страхолодна.* Семантика прономинанта выявляется из контекста.*

Окказиональный эвфемистический прономинант *Армида* использован А.С. Пушкиным в романе «Евгений Онегин» вместо слова *соблазнительница* (Армида – героиня поэмы итальянского поэта Торквато Тассо (1544–1595) «Освобожденный Иерусалим» (1575 г.), волшебница, в чьих роскошных садах забыл свой христианский долг рыцарь Ринальдо). Вот пример употребления рассматриваемой единицы: *Нет, никогда среди пылких дней / Кипящей младости моей / Я не желал с таким мученьем // Лобзать уста младых Армид, / Иль розы пламенных ланит, / Иль перси, полные томленьем.*

Окказиональный эвфемистический прономинант *Мессалина*, употребленный вместо слова *распутница* зафиксирован нами в художественной и мемуарной литературе XIX века, в художественной литературе XX века, а также в современной разговорной речи. (Мессалина – жена римского императора Клавдия, известная своим распутным поведением). Приведём примеры: *Жена акцизного надзирателя, уездная Мессалина, не обходившая вниманием даже своих кучеров* (А.И. Куприн. «Черная молния»); *Ковригина была своего рода Мессалиною в нашем захолустье: про нее ходило много рассказов. [...] дворовые в людской*

и гости в «господском доме», не стесняясь присутствием детей, рассказывали о ее разнообразных похождениях (Е. Водовозова. «На заре жизни»); Рябунов вздыхал и грыз ногти; конторская Мессалина – переписчица Ольга Игнатъевна – деловито стучала машинкой, но оживленный румянец на пухло трясущихся щеках выдавал, что настукивает она приватное письмо, и к тому же любовного содержания (Н.А. Тэффи. «Кулич»); А какая была кошечка домашняя! А как привезли ее на дачу, так стала просто Мессалиной – два раза за лето котятка были! (Разговорная речь).

Прономинант кондрашка (кондратий) употребляется вместо слова insult (аполексический удар). Происхождение этого прономинанта в литературе трактуется как образование от имени Кондратия Булавина (1660–1708), который во время крестьянского восстания внезапным ударом полностью уничтожил весь отряд князя Долгорукова [8].

Примеры употребления рассматриваемой единицы зафиксированы в русской классике: *Года через два–три вы умрете от кондрашки* (А.П. Чехов. «Три сестры»); *Чахнешь, чахнешь, и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя хватит кондратий* (А.П. Чехов. «Трагик поневоле»).

Приведенные примеры позволяют утверждать, что прономинанты служат одним из средств эвфемизации, то есть способны выполнять эвфемистическую функцию. Отметим также, что проанализированные в статье апеллятивизированные единицы являются по отношению к соответствующим апеллятивам стилистическими синонимами.

Примечания:

1. Квятковский А.П. Поэтический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1966. С. 227.
2. Москвин В. П. Выразительные средства современной русской речи: Тропы и фигуры. Общая и частные классификации. Терминологический словарь. М., 2006. С. 244.
3. Арапова Н.С. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 590.
4. Реформатский А.А. Введение в языковедение. М.: Просвещение, 1967. С. 99.
5. Булаховский Л.А. Введение в языковедение. Часть 2. М.: Учпедгиз, 1954. С. 49.
6. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (избранные работы). М., 1977. С. 101-102.
7. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 389.
8. Введенская Л.А., Колесников Н.П. От названий к именам. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 308.

Appellativized Units as Means of Speech Euphemization

Anna A. Kudryavtseva

Volgograd State Social-Pedagogic University
27 Lenina Prospekt, Volgograd 400131, Russia
PhD in Philology, Assistant Professor
E-mail: a_kudriavtseva@mail.ru

Abstract. The article is concerned with appellativization of onims, functioning as euphemisms and analyses synonymic pairs and rows, including such units.

Keywords: euphemism, appellativization, appellativized onim, pronomination, synonyms, stylistic synonymy.

UDC 808.2